

Дѣло по иску Венеціанскаго купца Шейлока.

По поводу возобновленной нынѣ постановки на казенной сценѣ Шекспировскаго «Шейлока», небезъинтересно возстановить въ памяти сужденія о *правовой* концепціи этой драмы, высказанныя уже давно двумя выдающимися юристами—Іерингомъ и Колеромъ.

Вдохновенное творчество великаго британскаго генія, проникавшаго всѣ явленія душевной и общественной жизни съ удивительною глубиною философскаго мышленія и тонкостью историческаго пониманія и обнимавшаго своимъ взоромъ весь міръ, — служило всегда неисчерпаемымъ источникомъ, изъ котораго черпали наблюденія, выводы и мысли изслѣдователи на различныхъ поприщахъ человѣческаго знанія—историки, психологи натуралисты, врачи, психіатры. Также юристы занимались Шекспиромъ. Они констатировали обиліе встрѣчающихся у него юридическихъ терминовъ и оборотовъ и изумлялись той точности, съ которой Шекспиръ пользовался современнымъ ему судебнымъ языкомъ, въ которомъ такъ трудно разобраться непосвященному. Отсюда нѣкоторые біографы Шекспира хотѣли вывести заключеніе, что Шекспиръ въ молодости служилъ въ адвокатскомъ бюро или находился въ близкихъ сношеніяхъ съ лицами судейскаго и адвокатскаго сословія *).

Но кромѣ того многія произведенія Шекспира заключаютъ въ себѣ идейно-юридическое содержаніе и проникнуты глубокимъ пониманіемъ всемірно-историческихъ правовыхъ идей. Съ этой точки зрѣнія наиболее заслуживаетъ юридическаго анализа Шейлокъ, въ которомъ затрагивается, въ яркой, художественной формѣ, одна изъ глубочайшихъ коллизій идеи права. Какъ справедливо замѣчаетъ Колеръ, сцена суда въ «Венеціанскомъ купцѣ» не представляетъ юриспруденціи, созданной поэтомъ только для этого случая и служащей только художественнымъ требованіямъ драмы. «Она представляетъ нѣчто гораздо большее, нѣчто болѣе значительное. Она представляетъ типическую картину развитія права всѣхъ временъ, она содержитъ квинтэссенцію права во всемъ его ростѣ, она заключаетъ въ себѣ

*) *Campbell*, Shakespeare's legal aequirements (1859 г.) и *Rushton*, Shakespeare a lawyer (1858 г.). См. *Kohler*, Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz, 1884.

больше юридической мудрости, чѣмъ десять учебниковъ пандектовъ, она проникаетъ въ исторію права глубже, чѣмъ всѣ научныя сочиненія отъ Савиньи до Іеринга».

Можетъ быть этимъ объясняется, что Шейлоку посвятили свое вниманіе два самыхъ глубокихъ, самыхъ блестящихъ юриста—знаменитый авторъ «Духа римскаго права», Іерингъ и не менѣе извѣстный Вюрцбургскій профессоръ сравнительнаго законовѣдѣнія, Колеръ. Каждому изъ нихъ образъ Шейлока представляется различно, каждаго анализъ приводитъ къ различнымъ выводамъ, каждый открываетъ различные правовые горизонты. До такой степени глубока сокровищница Шекспировской мысли,—что въ ней можно черпать выводы для различныхъ міросозерцаній.

Взглядъ Іеринга на Шейлока вытекаетъ изъ его теоріи, развитой имъ въ извѣстной книжкѣ «*Kampf ums Recht*». Право есть нравственное условіе существованія личности, защита его есть актъ самосохраненія и, слѣдовательно, составляетъ обязанность каждаго по отношенію къ самому себѣ. Но въ то же время огражденіе своего права есть долгъ по отношенію къ обществу. Ибо интересы и послѣдствія борьбы за право въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не ограничиваются одной личностью борца. Съ личнымъ интересомъ связанъ общій интересъ утвержденія и могущества закона—высшій идеальный интересъ упроченія и твердаго охраненія порядка общественной жизни. Борьба за право есть въ то же время борьба за законъ. Въ каждомъ частно-правовомъ спорѣ дѣло идетъ не только о предметѣ иска, о данномъ субъектѣ, о частномъ случаѣ, въ которомъ воплотился законъ, но о самомъ законѣ, о его исполненіи и торжествѣ. Если нарушается частный интересъ, то вмѣстѣ съ нимъ ниспровергается самый законъ.

Поэтому, каковъ бы ни былъ частный интересъ въ каждомъ данномъ случаѣ и независимо отъ этого интереса,—законъ, какъ выраженіе установленнаго права, долженъ быть соблюденъ во что бы то ни стало. И выступающій въ защиту своего права во имя и на основаніи закона исполняетъ свой прямой долгъ—бороться за право, а отказывающіе ему въ этомъ его правѣ не только причиняютъ ему тяжелую несправедливость, но вмѣстѣ съ тѣмъ разрушаютъ устои правового порядка.

Съ этой точки зрѣнія, судъ надъ Шейлокомъ представляется Іерингу попираніемъ права.

«..... Ненависть и жажда мести привели Шейлока въ судъ для того, чтобы вырѣзать фунтъ мяса изъ тѣла Антоніо. Но тѣмъ не менѣе слова, которыя поэтъ заставляетъ его произнести, у него также вѣрны, какъ и у всякаго другого. Это тотъ самый языкъ, которымъ вездѣ и всегда будетъ говорить оскорбленное правовое чувство, непоколебимое убѣжденіе, что право должно всегда оставаться правомъ, законное стремленіе и одушевленіе человѣка, который сознаетъ, что въ дѣлѣ, которое онъ защищаетъ, онъ дѣйствуетъ не только въ защиту своего личнаго интереса, но и во имя идеи торжества права. Шекспиръ заставляетъ Шейлока говорить:

Тотъ мяса фунтъ, котораго теперь
Я требую, мнѣ очень много стоитъ;
Онъ мой, и я хочу имѣть его.
Откажете—я плюну на законы
Венеціи: въ нихъ, значитъ, силы нѣтъ.
— Я требую исполненія закона!
— Я требую уплаты по веселю!»

«Я требую исполненія закона!» Поэтъ въ этихъ четырехъ словахъ такъ вѣрно выразилъ истинное отношеніе права въ субъективномъ смыслѣ къ праву въ объективномъ смыслѣ и значеніе борьбы за право, какъ не выразилъ ни одинъ философъ права. Этими словами сразу изъ частнаго правового вопроса, касающагося Шейлока, дѣло получило характеръ вопроса, касающагося права Венеціи. Какихъ могущественныхъ, громадныхъ размѣровъ достигаетъ образъ слабаго человѣка, когда онъ произноситъ эти слова! Это уже болѣе не еврей, который требуетъ принадлежащаго ему фунта мяса, это самъ законъ Венеціи, который стучится въ двери суда,—потому что его право и право Венеціи суть одно и то же; съ его правомъ ниспровергается право Венеціи. И, когда Шейлокъ, согбенный подъ тяжестью приговора, удаляется, преслѣдуемый жестокими насмѣшками, мы не можемъ отогнать отъ себя мысли, что пораженіе потерпѣлъ законъ Венеціи, что вмѣстѣ съ Шейлокомъ унижено право самой Венеціи. Мы имѣемъ предъ собою не ростовщика Шейлока, а типичную фигуру средневѣковаго еврея, этого парію общества, тщетно взывающаго къ закону. Трагизмъ его положенія основывается на томъ, что онъ питаетъ твердое довѣріе къ закону, котораго ничѣмъ нельзя было поколебать и которое поддерживалось самимъ судьей,—какъ вдругъ, подобно удару грома, надъ нимъ разражается катастрофа, открывающая ему глаза и напоминающая ему, что онъ—еврей, для котораго не существуетъ закона».

Юридическій темпераментъ Іеринга возмущается этимъ отказомъ въ правосудіи. Его *чувство* права не можетъ мириться съ тѣмъ, что судъ, являющійся представителемъ закона, оставилъ этотъ законъ безъ исполненія,—онъ возмущается не потому только, что этимъ причинена несправедливость истцу въ данномъ дѣлѣ, Шейлоку, а потому, что попроано *право*, унижена идея права.

«Поэтъ, говоритъ Іерингъ, конечно, воленъ создать свою собственную юриспруденцію, и мы не хотимъ сожалѣть, что Шекспиръ такъ поступилъ и передалъ старую фавулу, ничего не измѣнивъ въ ней. Но если юристъ подвергнетъ эту юриспруденцію критикѣ, онъ долженъ будетъ сказать: условіе было само по себѣ недѣйствительно, такъ какъ содержаніе его безнравственно; такъ долженъ былъ гласить приговоръ судьи. Но если «мудрый Данииль» призналъ росписку дѣйствительною, то съ его стороны было жалкимъ крючкотворствомъ, послѣ признанія за Шейлокомъ права вырѣзать у Антоніо фунтъ мяса, запретить связанное съ этимъ пролитіе крови. Совершенно такъ же могъ судья признать право обладателя сервитута и потомъ запретить ему дѣлать

слѣды на землѣ, на томъ основаніи, что это не было выговорено при установленіи сервитута. Можно было подумать, что исторія Шейлока уже разыгрывалась въ древнемъ Римѣ; ибо составители 12 таблиц считали необходимымъ ясно выразить, что при разсѣченіи кредиторами должниковъ (in partes secare) относительно величины кусковъ имъ предоставляется полная свобода (Si plus minusve secuerint sine fraude esto).⁵ *)

Можетъ быть, ни въ одномъ изъ многотомныхъ сочиненій Геринга не выразилась такъ ярко и характерно цѣлостность юридическаго міросозерцанія автора «Духа римскаго права», какъ въ его взглядѣ на Шейлока. Могучее созидательное начало общественнаго порядка—*право* и его реальное выраженіе—*законъ*—составляютъ для него культъ, которому все общество и каждая отдѣльная личность должны поклоняться, на алтарь котораго должны быть принесены всѣ силы, всѣ энергіи личнаго и общественнаго существованія и для торжества котораго могутъ погибнуть отдѣльные индивидуумы. Это неумолимый древнеримскій богъ, шествующій по землѣ и требующій себѣ жертвъ... И Герингъ присутствуетъ при зрѣлищѣ суда въ Шекспировской схемѣ съ негодованіемъ и возмущеніемъ въ своемъ правовомъ чувствѣ,—потому что унижено право, приостановлено дѣйствіе закона: изъ-за фунта мяса должника Антоніо не удовлетворено *законное* требованіе заимодавца Шейлока... **).

Иныя, противоположнаго характера, чувства и мысли вызываетъ Шекспировскій Шейлокъ въ Колерѣ. Онъ говоритъ, что ему приходилось видѣть роль Шейлока въ исполненіи лучшихъ артистовъ, понимавшихъ самымъ противоположнымъ образомъ свою задачу. Въ исполненіи однихъ Шейлокъ—дикій звѣрь, жаждущій добычи, у другихъ онъ является терпѣливымъ страдальцемъ, чувствующимъ на своихъ плечахъ тяжесть мукъ, составляющихъ печальное наслѣдіе его племени, и желающимъ воздать эти страданія съ лихвой, вымещая ихъ на комъ можетъ. Одни особенно подчеркиваютъ

*) Всѣмъ извѣстно это постановленіе закона 12 таблицъ, по которому осужденному за неуплату долга давалось 30 дней свободы. Если по истеченіи этого срока не послѣдовало уплаты, должникъ подвергался аресту и держался въ заключеніи 60 дней; три *pundinae* (базаръ, бывавшій разъ въ 9 дней) сряду его выводили на народную площадь и провозглашали его долгъ, вызывая желающихъ его выкупить. Если таковыхъ не оказывалось и въ третій разъ, заимодавецъ могъ продать должника въ рабство и *могъ отрывать отъ его тѣла куски мяса, „много или мало“, по своему усмотрѣнію.*

**) Въ одномъ мѣстѣ «Kampf ums Recht», характеризующая третій періодъ въ развитіи римскаго права (въ императорскую эпоху и въ особенности въ Юстиниановомъ правѣ)—періодъ ослабленія и помраченія правового чувства, Герингъ указываетъ, какъ на наиболѣе многозначительную и характерную черту этого періода,—на стремленіе улучшить положеніе должника на счетъ вѣрителя. «Я полагаю, говоритъ Герингъ, что симпатія къ должнику есть признакъ слабого времени. Оно же называетъ это гуманностью. Сильное время прежде всего заботится о томъ, чтобы вѣритель добился своего права, если бы даже должнику пришлось отъ этого погибнуть».

его жадность и мстительность, другіе—непоколебимую твердость его воли и мужество, съ которыми онъ объявляетъ войну всему, что для общества свято, дорого и почитаемо, не смущаясь криками возмущенія, вызванными его жестокостью и мстительностью. «Но я, говоритъ Колеръ, ни разу не чувствовалъ въ себѣ ни малѣйшаго движенія симпатіи или состраданія къ этому справедливо и основательно наказанному извергу. Я (не смотря на то, что я юристъ) внимаю всегда съ затеяннымъ дыханіемъ мудрому Даніилу, и вздохъ облегченія вырывается изъ моей груди при произнесеніи приговора, которымъ разрываются хитро сплетенныя сѣти, предназначенныя для гибели бѣднаго Антоніо. Я съ торжествомъ смотрю на обвинителя, который желалъ огрызнуть храмъ суда грязью своей низкой души и который прогнанъ съ позоромъ. Страшное напряженіе, въ которомъ находится зритель, замѣняется освѣжающимъ чувствомъ искупленія и спасенія, и этимъ создается настроеніе для глубоко-поэтическаго пятаго акта, этихъ чудныхъ сценъ страстной ласки и игривой веселости. Такъ, послѣ бурной грозы наша душа умиляется при видѣ прояснившагося вечерняго неба».

Но въ чемъ заключается правовая идея Шекспировскаго Шейлока? Этому вопросу Колеръ посвящаетъ обстоятельную, богатую историко-юридическимъ содержаніемъ и блестящую по формѣ, монографію*), изъ которой извлечемъ наиболѣе интересныя мѣста.

Я. К—вичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) *Shakespeare vor dem Forum der Jurisprudenz.* 1884 г. Въ русскомъ переводѣ изданіе Я. А. Канторовича—*Шекспиръ съ точки зрѣнія права* (Шейлокъ и Гамлетъ). 1899 г.

Дѣло по иску Венеціанскаго купца Шейлока.

(Окончаніе *).

Анализируя договоръ Шейлока съ Антоніо—съ точки зрѣнія его юридическаго содержанія—Колеръ находитъ этотъ договоръ вполнѣ согласнымъ съ правовыми взглядами того времени на отношенія между кредиторами и должниками. Въ высокой степени интересномъ очеркѣ Колеръ знакомитъ насъ съ историческимъ ходомъ развитія законоположеній о долговыхъ обязательствахъ—въ различныя эпохи и у различныхъ народовъ. Оказывается, что въ извѣстной стадіи историческаго развитія почти у всѣхъ народовъ отвѣтственность должника предъ кредиторомъ не ограничивается его имуществомъ, но распространяется и на его тѣло и жизнь.

*) См. «Суд. Обзор.» № 38.

Кромѣ упомянутого выше закона XII таблицъ, такія правовыя понятія на отвѣтственность должника мы встрѣчаемъ у всѣхъ древнихъ народовъ, въ законодательныхъ памятникахъ которыхъ имѣются постановленія, отдающія честь, свободу, тѣло и жизнь должника въ полную безконтрольную власть заимодавца. Эти же постановленія, въ нѣсколько смягченномъ видѣ, повторяются и въ старѣйшихъ памятникахъ почти всѣхъ современныхъ народовъ—въ старо-германскихъ, французскихъ и итальянскихъ кодексахъ и, въ особенности, шведскомъ и норвежскомъ правѣ *).

Въ законодательствахъ послѣдующаго времени (въ средніе вѣка) у кредиторовъ было отнято право жизни надъ должниками, но имъ предоставлено было безконтрольное право распоряженія свободою и честью должниковъ. Въ особенности по статутамъ итальянскихъ городовъ, въ которыхъ процвѣтала торговля, влѣдствіе чего вызывалась забота о развитіи кредита и объ огражденіи его отъ злоупотребленій, — должники подвергались возмутительно жестокому обращенію. Несчастнаго выводили на площадь, полную народомъ, ставили его на особый камень и заставляли раздѣться до нага. Затѣмъ надъ нимъ совершались до такой степени позорныя процедуры, что онѣ въ настоящее время совершенно не поддаются описанію. Эти процедуры предписывались также статутами нѣкоторыхъ французскихъ городовъ. Въ Авиньонѣ полуобнаженнаго должника заставляли бѣгать по улицамъ, причемъ подгоняли его ударами плети.

Хотя эти жестокія постановленія постепенно смягчались и исчезали изъ законодательства (насколько глубоко укоренились понятія древняго долгового права, видно изъ того, что и до сихъ поръ еще во многихъ законодательствахъ сохранилось лишеніе должниковъ свободы),—но права кредиторовъ въ томъ же видѣ еще долгое время продолжали *de facto* существовать — на основаніи *договорнаго* права. Именно, при совершеніи займа заключался договоръ, по которому кредиторы выговаривали себѣ, въ случаѣ неуплаты долга, тѣ же права надъ личностью должника, на его свободу, честь и тѣло, какія раньше освящались постановленіями закона. Благодаря этому, новыя смягченныя законоположенія оставались безъ вліянія на *фактическія* отношенія между кредиторами и должниками.

Въ законности и справедливости такихъ договоровъ между кредиторами и должниками не могло и возникнуть сомнѣнія—въ то время, когда законодательство еще только выходило изъ той стадіи развитія, которая стре-

милось закрѣплять и освящать договорныя отношенія, и когда по народнымъ воззрѣніямъ жизнь и свобода еще не считались неприкосновенными благами. Лишь въ позднѣйшихъ стадіяхъ развитія законодательства поднимаются изрѣдка робкіе и неувѣренные голоса противъ дѣйствительности такихъ договоровъ. Первый шагъ въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ тѣмъ, что для дѣйствительности такихъ договоровъ ставились извѣстныя условія, напр. присутствіе судьи. Дальнѣйшее выраженіе эта перемѣна нашла въ практикѣ судовъ, настаивавшихъ, правда, на исполненіи условій, но смягчавшихъ и урѣзавшихъ послѣдствія договоровъ, вопреки содержанію и смыслу послѣднихъ. Наконецъ, подъ вліяніемъ прогрессирующаго права, прежде всего въ Италіи, а затѣмъ и въ Германіи и Франціи, дошли до того, что всѣ подобные договоры стали считать совершенно недѣйствительными: законодательство не только болѣе не гарантировало наступленія послѣдствій договоровъ, но стало даже запрещать заключеніе извѣстныхъ условій. Такое новое воззрѣніе встрѣчаемъ въ статутахъ итальянскихъ и французскихъ XV и XVI столѣтій, а также въ судебныхъ рѣшеніяхъ того времени.

Перемѣна въ отмѣченныхъ правовыхъ воззрѣніяхъ совершилась не сразу, не скачкомъ. Эти воззрѣнія въ своемъ развитіи прошли чрезъ цѣлый рядъ промежуточныхъ ступеней, пока они не нашли себѣ яснаго юридическаго выраженія въ законодательствѣ. Эволюція въ этомъ отношеніи совершалась въ зависимости отъ эволюціи въ этическихъ воззрѣніяхъ. Прежде чѣмъ законодательство начинаетъ считать долговые договоры, стоящіе въ противорѣчій съ созрѣвшимъ правовымъ сознаніемъ, недѣйствительными,—еще до того времени въ народномъ сознаніи начинаетъ чувствоваться реакція противъ такихъ договоровъ, не съ точки зрѣнія права, а съ точки зрѣнія нравственности и общественной благопристойности. Законъ еще дѣйствуетъ, но онъ уже не находитъ себѣ оправданія и опоры въ народныхъ воззрѣніяхъ...

Договоръ Шейлока съ Антоніо именно относится къ этому времени. Законность этого договора признается и законодательствомъ того времени. Шекспиръ ярко характеризуетъ опору, которую Шейлокъ находитъ въ современномъ ему правѣ, въ словахъ Порціи:

Искъ затѣяли вы странный,
Но вмѣстѣ съ тѣмъ такого рода онъ,
Что помѣшать не могутъ вамъ законы (Венеціи).

Но время Шейлока дошло уже до инстинктивнаго сознанія, что Шейлоковское условіе не должно быть приведено въ исполненіе, какъ противорѣчащее требованіямъ нравственности, хотя дѣйствительное по закону. Мотивы этого сознанія, однако, еще не находили себѣ ясно сформулированнаго выраженія, достаточно опредѣленнаго для того, чтобы претвориться въ правосознаніи и вызвать собою процессъ эволюціи въ законодательствѣ.

При такихъ условіяхъ—каково должно было быть

*) Въ норвежскомъ правѣ существовало постановленіе, аналогичное римскому «*partis secanto*»: кредиторъ обращался къ родственникамъ должника, предлагая имъ выкупить его; если тѣ отказывались, онъ имѣлъ право отрѣзывать куски тѣла должника, «*гдѣ онъ пожелаетъ, сверху или снизу*». Каждая часть тѣла должника представляла опредѣленную стоимость, и отсѣченіемъ или отрѣзываніемъ этихъ частей погашалась опредѣленная часть долга.

отношеніе суда къ странному иску Шейлока? Могъ ли судъ отмѣнить законъ на томъ основаніи, что по народнымъ воззрѣніямъ исполненіе этого закона является оскорбленіемъ общественнаго приличія и добрыхъ нравовъ? Конечно, нѣтъ. Право должно оставаться правомъ, даже если отдѣльныя личности и пользуются имъ для своихъ безнравственныхъ цѣлей. Законъ можетъ требовать отъ каждаго подчиненія своимъ постановленіямъ, но онъ никого не можетъ заставить быть добрымъ или добродѣтельнымъ. Всякое вмѣшательство права въ область морали,—а попытки подобныхъ вмѣшательствъ нерѣдки—жестоко мститъ за себя. Такое смѣшеніе этихъ двухъ областей ведетъ прежде всего къ тому, что понятіе права улетучивается: примѣненіе закона подвергается испытанію и становится въ зависимость отъ разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ различныхъ случайныхъ вопросовъ—о томъ, не слѣдуетъ ли принять во вниманіе тѣ или другія соображенія морали или слѣдовать голосу состраданія, великодушія или тому подобныхъ побужденій,—а это въ свою очередь ведетъ къ тому, что самые законные интересы отдаются на поверхность судъ измѣнчивой морали, и святилище внутренней жизни открывается любопытству государственно-полицейскаго ока.

Итакъ, примѣненіе закона не можетъ зависѣть отъ нравственныхъ свойствъ и побужденій лица, представляющаго искъ; правосудіе не можетъ уклониться отъ примѣненія закона по соображеніямъ этического свойства. Эта мысль ярко выражена Шекспиромъ въ монологъ Шейлока:

„Вы спросите зачѣмъ предпочитаю
Тремъ тысячамъ червонцевъ мяса фунтъ
Негоднаго? На это не желаю
Я отвѣчать. Положимъ, что скажу:
„Таковъ мой вкусъ!“ Отвѣтъ ли это будетъ?
.....
... Такъ точно не могу я
И не хочу представить вамъ другихъ
Причинъ, какъ то, что ненависть и злобу
Питаю я къ Антонію, что онъ
Противень мнѣ“.....

Гражданскому суду не можетъ быть дѣла до побужденій, руководящихъ истцомъ: какъ ни очевидна низменность этихъ побужденій—законъ безсиленъ предъ законнымъ требованіемъ истца.

Но, съ другой стороны, долженъ ли былъ судъ санкціонировать требованіе Шейлока, противъ котораго возмущается чувство справедливости и человѣчности? По истинѣ трагическое положеніе. Трагизмъ заключается въ положеніи судьи, который видитъ себя орудіемъ въ рукахъ безсовѣтнаго человѣка, злоупотребляющаго закономъ посредствомъ закона-же, орудіемъ подлаго злодѣйства, и не знаетъ, какъ выйти изъ этого положенія. Въ жизни почти каждаго судьи встрѣчаются моменты, созданные подобнымъ положеніемъ, моменты, когда онъ не можетъ не сознавать, что съ его помощью совер-

шается обезчещеніе самаго святого, что онъ содѣйствуетъ, примѣненіемъ *формальнаго* закона, торжеству зла и профанаціи идеи права и справедливости. Случай такой коллизіи между *формальнымъ* правомъ и внутренней *идеей* права нерѣдки въ практикѣ судебного дѣятеля. Въ Шекспировской драмѣ эта коллизія выражена съ ужасающей яркостью, и тяжелая минута, которую переживаютъ судьи, трогательно изображена поэтомъ въ словахъ дожа, съ которыми онъ обращается къ Шейлоку, стараясь склонить его къ смягченію своего жестокаго требованія.

Этимъ трогательнымъ моментомъ драма поставлена на свою наибольшую высоту; драматическое напряженіе достигаетъ такой степени, что развязка становится необходимой. Зритель невольно спрашиваетъ себя, не можетъ ли судъ на одинъ только разъ уклониться отъ пути правосудія и лишитъ жестокосердаго обвинителя его законныхъ правъ? Не предпочесть ли одинъ только разъ совершенную справедливость, хотя и несогласную съ дѣйствующимъ закономъ, исполненію законнаго, но ужаснаго требованія? Эта мысль отвергнута Шекспиромъ съ чрезвычайно глубокой мотивировкой: если допустить одно нарушеніе закона, то за нимъ послѣдуетъ много другихъ, еще худшихъ нарушеній; въ торговлѣ исчезнетъ кредитъ, во взаимныхъ сношеніяхъ уничтожится довѣріе, государство потеряетъ свой престижъ и повсюду проникнетъ беззаконіе и произволь.

„Нѣтъ, такъ нельзя. Установленный законъ
Перемѣнить нельзя ничьею властью
Въ Венеціи. Какъ происшедшій фактъ,
Запишется рѣшеніе такое,
И вторгнется затѣмъ немало зла
Въ республику по этому примѣру.
Нѣтъ, такъ нельзя!“

Судъ долженъ, такимъ образомъ, рѣшить не въ пользу Антонію. Условіе должно быть признано дѣйствительнымъ; жестокой истецъ требуетъ исполненія закона—судъ остается только закрыть лицо и, пожертвовавъ Антонію, совершить правосудіе.

Рѣшеніе «мудраго Даніила» разрѣшаетъ драму и, подобно солнечному лучу, разсѣваетъ тяжелую мглу, въ которой чувствуетъ себя зритель. Съ точки зрѣнія высшей справедливости это рѣшеніе вызываетъ чувство облегченія и удовлетворенія. Но можетъ ли оно удовлетворить съ точки зрѣнія права—той реальной «земной справедливости», которая управляетъ людскими отношеніями? На этотъ вопросъ Колеръ, какъ и Герингъ, даетъ отрицательный отвѣтъ. Онъ также признаетъ, что рѣшеніе плохо обосновано, что его аргументація не можетъ удовлетворить юриста,—потому что съ точки зрѣнія формальной юриспруденціи Шейлоку должны быть предоставлены всѣ способы для реализаціи договора.

По общему юридическому правилу, если одинъ предоставляетъ другому какое нибудь право, то этимъ самымъ онъ ему разрѣшаетъ дѣлать все, что нужно для осуществленія этого права. Кому дано право черпать воду изъ колодца, тому разрѣшено и ходить по землѣ

хозяина колодца. Жильцу, нанявшему квартиру, предоставлено уже тѣмъ самымъ право пользоваться лѣстницами и входной дверью. Рѣшеніе мудраго и справедливаго Даниила находится въ противорѣчїи съ этимъ принципомъ: ибо ясно, что кому разрѣшено вырѣзать мясо, тому разрѣшено и проливать кровь, если эта операція не можетъ быть совершена безъ пролитїя крови. И если тотъ, кто имѣетъ право вырѣзать фунтъ мяса, вырѣзываетъ не цѣлый фунтъ, а ограничивается только половиной, то противъ этого равнымъ образомъ ничего нельзя имѣть, такъ какъ кредиторъ можетъ по своей доброй волѣ отказаться отъ извѣстной части слѣдующаго ему; даже небольшое превышеніе вѣса ему не можетъ быть поставлено въ вину, такъ какъ всѣ человѣческія операціи могутъ быть выполнены только съ приближительною точностью, и незначительныя ошибки не должны быть приняты во вниманіе. Такими софизмами можно сдѣлать всякое право призрачнымъ: можно разрѣшить фабриканту устройство и эксплуатацію фабрики, а потомъ запретить ему пускать дымъ черезъ трубу; можно разрѣшить жильцу жить въ домѣ, а потомъ запретить ему внести свою мебель. Точно также обыкновенную покушку мяса по вѣсу можно сдѣлать невозможной, такъ какъ ни у одного мясника не найдется абсолютно вѣрныхъ вѣсовъ, на которыхъ онъ могъ бы свѣсить мясо безъ малѣйшей ошибки. Такихъ примѣровъ можно было бы насчитать безчисленное множество. Такая уловка обращаетъ право въ его тѣнь и поэтому нисколько не лучше явнаго правонарушенія.

Тѣмъ не менѣе наше внутреннее чувство подсказываетъ намъ, что рѣшеніе мудраго и справедливаго Даниила правильно, и вопреки всѣмъ соображеніямъ о несостоятельности аргументаціи его, послѣ паденія занавѣса въ нашей душѣ остается чувство глубокаго удовлетворенія совершившимся актомъ правосудія.

Совершившійся тутъ процессъ принадлежитъ къ жизненнымъ процессамъ развитія права: принципы, принадлежащіе къ другимъ этическимъ областямъ усваиваются правомъ и становятся его нераздѣльными частями. Этотъ ростъ, это развитіе права не должны быть поняты такимъ образомъ, что право непосредственно и просто выхватываетъ постановленія морали и превращаетъ ихъ въ обязательные законы. Тутъ рѣчь идетъ объ органическомъ поглощеніи и усвоеніи отдѣльных этическихъ элементовъ, о самостоятельной органической переработкѣ этическаго матеріала въ составныя части правового организма—подобно тому, какъ растительные и животные организмы воспринимаютъ извнѣ матеріалъ, который они перерабатываютъ и органически превращаютъ въ составныя части своего существа.

Этотъ процессъ совершается не по приказанію извнѣ, а дѣйствіемъ духовныхъ силъ, управляющихъ исторією человѣчества. На законодательствѣ, собственно говоря, лежитъ обязанность наблюдать постоянно за пульсомъ народнаго инстинкта и, какъ только общественное правовое сознаніе достигаетъ нужной степени насыще-

нїя, вносить твердымъ грифелемъ закона новое постановленіе въ книгу права. Но такая задача не по силамъ ни одному законодательству: вліяніе самыхъ разнообразныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ причинъ не позволяетъ законодательству слѣдить шагъ за шагомъ за развитіемъ правовыхъ идей. Но что не подь силу законодательству, то исполняется творческой дѣятельностью суда, правда, бессознательно и часто незамѣтно для самого суда, но тѣмъ не менѣе непрерывно исполняется. Ибо никакой судъ, будь онъ самымъ ученымъ и абстрактнымъ въ мірѣ, не въ состоянїи вполне изолировать себя отъ правового сознанія народа, такъ какъ онъ не можетъ выйти изъ той духовной атмосферы, изъ которой право ежедневно черпаетъ новую силу и крѣпость. Это правовое чувство народа бессознательно для судьи проникаетъ въ его операціи и направляетъ съ непреодолимой силой его приговоръ въ извѣстную сторону: судья тогда довольствуется самыми плохими доводами, которые сами по себѣ никого убѣдить не могутъ, его обоснованіе приговора служитъ ему только палліативнымъ средствомъ къ приданію надлежащаго юридическаго рельефа живущему въ немъ непоборимому, хотя еще не выяснившемуся, сознанію. Когда это сознаніе у судьи настолько сильно, что ему кажется невозможнымъ дать рѣшеніе, добытое логическою дедукціей, онъ довольствуется каждымъ кажущимся доводомъ, лишь бы какъ-нибудь мотивировать свое рѣшеніе, въ правильности котораго онъ всю силою своего нравственнаго инстинкта убѣжденъ.

Насколько могущественно вліяніе юриспруденціи, руководимой правовымъ сознаніемъ, на ходъ исторіи культуры, показываетъ преторское право въ Римѣ или суды шеффеновъ въ средніе вѣка. Это вліяніе доказывается также современной судебной практикой—въ особенности въ области торговаго права, въ которой возникли и развились на практикѣ многочисленныя правовыя учрежденія безъ содѣйствія закона.

Это-то правовое сознаніе повліяло на рѣшеніе мудраго Даниила. Оно было отзвукомъ его времени, которое уже дошло до инстинктивнаго сознанія, что Шейлоковскій договоръ не можетъ быть исполненъ, но это сознаніе еще не было разложено на свои идейные элементы и еще не находило опоры въ твердыхъ послышкахъ.

Теперь ясно, почему мудрый Даниилъ такъ плохо мотивировалъ свое рѣшеніе. Онъ произнесъ хорошій приговоръ, но плохо обоснованный; такой приговоръ слѣдуетъ предпочесть плохому приговору, но хорошо обоснованному: пусть у насъ будутъ хорошія рѣшенія—хорошія мотивировки уже послѣ найдутся. Всегда и вездѣ ходъ вещей совершался въ такомъ порядкѣ послѣдовательности. Такъ было съ правами изобрѣтателей и авторовъ, которыя, раньше еще чѣмъ они были юридически конструированы, находили себѣ санкцію въ народномъ правовомъ сознаніи, направлявшемъ судебную практику.

Этотъ великій всемірно-историческій процессъ развитія права изображенъ поэтомъ въ «Шейлокѣ». Онъ изобразилъ побѣду очищеннаго правосознанія надъ мракомъ, окутывавшимъ дѣйствовавшее законодательство и правосудіе, побѣду, скрывающуюся за призрачными доводами, выступающую подъ маской фальшивой мотивировки, не теряющую отъ этого ни своей грандіозности, ни своей значительности. Это не побѣда одного процесса, это побѣда исторіи права вообще.

Я. К—чъ.
